

По речному телу

Ника Батхен – крымско-питерский автор, временный житель Москвы. объездила пол-России, лазала в горы, обреталась в Лисьей бухте, выпустила одиннадцать книжек, собрала несколько полок дипломов и статуэток. Жизнь Ники проистекала и продолжает твориться бурно, карнавально и неожиданно – организация фестивалей, волонтерство, воспитание детей и котов, творческие проекты и путешествия. Стихи придерживаются традиции русского скоморошества, звонких ритмов, вывернутых смыслов и причудливой, как морозные узоры, витиеватой звукописи. Излюбленные темы – собственные переживания, этнические (в особенности крымские) мотивы, сюжетные баллады и пейзажная лирика. Излюбленные герои – исторические персонажи, от Стеньки Разина и Ивана Петлина до Мандельштама и Цветаевой. Кредо в поэзии – рассказать слушателю нечто необычайное, погрузить в ритм, заморозить и навести чары. Получается ли? Вам видней.

Жди

Снится август облакам хмурым.
На рассвете умирать рано.
Если любишь, то ступай в Муром,
Поцелуем залечи рану.
На обочине стоишь куришь,
Не считаешь, кто прошел-прожил.
Если веришь, то ступай в Углич,
Нераскаянный гусяр Божий.
Вроде выпил, а внутри пусто,
Вроде выбрал – так живи, радуй.
Если помнишь, то ступай в Суздаль,
Колокольной говори правдой.
Из палаты не видать воли.
Вместо сивки сплошняком клячи...
Кто из Углича идет – молит.
Кто из Мурома идет – плачет.

Бунтарь

Прячутся бояре по подвалам да амбарам –
Топору без разницы кто прав, кто виноват.
Искры воскресенья стали бешеным пожаром.
Едет Стенька Разин государя воевать.
Во церквах Царицына колокола охрипли.
Зелено вино не успевают разливать.
Девка ль над болотами исходит криком, выпь ли.
Едет Стенька Разин государя воевать
Кречеты да вороны маячат над столицей.
Крутятся упрямо, мелют души жернова.
Смерти скоморошничать, плясать да веселиться –
Едет Стенька Разин государя воевать.
Вырос дуб зеленый, стал колодою для плахи.
Не рыдай мя, матушка, прости да помяни.
Сохли пятна красные на вышитой рубахе...
Ехал Стенька Разин, небо плакало над ним.

Лыбедь

Скажи «река».
Спроси еще – жива ли?
В слепой трубе дорожной магистрали
Трепещет рукавами дева-Лыбедь,
Вода, которой городу не выпить.
Была вдова, днепровское отродье,
Смеясь, смывала избы в половодье,
Топила и ордынцев и поляков –
Откуда б ни пришли – все здесь полягут,
Оставят серебро зеленой пойме.
Их не поймут и даже не запомнят.
Лебёдушки кружили над лугами,
В июле травы делались стогами,
Под осень звезды падали в кувшинки.
Река жила и делала ошибки.
Сдалась на милость заводских окраин,
Прибрежными кострами выгорая,
Тихонько обмелела, измельчала...

Над Лыбедью и чайка не кричала,
И Рпень не откупился щукой снулой,
И Клязьма-мама русло отвернула.
Остался дух холодный, дух овражный.
Здесь в темноте безлюдно. Шепчут: страшно
Идти по телу мокрому речному
За выпивкой к ночному гастроному.
И фуры уползают на парковки,
И прячутся такси у остановки,
И байки глушат хриплые моторы,
Чураясь магистрали, по которой
Спускались и байдаки и расшивы
Алкая невзыскательной поживы...
Улыбка. Лыбедь. Встретишь – так и надо,
Цепляйся за буйки, хватай канаты,
Молись княжне из монастырской клетки,
Лети в асфальт, рассаживай коленки,
Швыряй за борт ненужный, глупый разум...
Утонешь – и очнешься синеглазым.

Киммерия

Земным зерном на ветер брошены,
Полны предчувственной печали,
Все собирались у Волошина.
Всех привечали.
Мир колыхался и корячился,
Овраги пахли мертвечиной.
Поэт не числился, не значился –
Он был причиной.
Стихи как мостики спасения
Собой застраивали хаос.
С холмов несли цветы весенние
И усмехались.
Солдаты бегали по пристани,
Старухи плакали в чуланах.
Луна плыла долами мглистыми,
Красна как рана.
А в доме лампа безмятежная –

С нее не сняли абажура.
И Таиах, царица грешная,
И рысья шкура.
И мир для сброшенных и спешенных –
Неважен цвет погон и крови.
Шинель на гвоздике повешена.
Ни слова кроме
Неповторимого «Киммерия» -
Приют и храм, родник и чаша.
Вода и дым сметут имения,
А время спрячет.
Уйдут поэты и художники,
Коты и розы расплодятся.
...Найдешь стихи в тетрадке тощенькой –
Не жги.
Сгодятся!

Настоящее время

На караимский виноградник спешат рабочие с утра.
В дощатой будке спит привратник, бдит волкодав, топчет всадник,
С хребта спускается жара.
Речушки мутная водица огонь лозы не утолит.
Пришлось в империи родиться, теперь провинция сгодится.
Любой поэт – космополит.
Палит по звездам из пиццали и кажет Хроносу кулак.
Чего там греки завещали? Дробить вино и жить в печали?
Страна – талак, талак, талак.
Сцепились насмерть краснобаи и беляки и юнкера.
Когда есть Крым – не надо рая. Цыган на скрипочке играет.
Поэт пригрелся у костра.
Забыл про дни, стихи и даты – есть виноград, лаваш и сыр,
Марины почерк угловатый остался в прошлости, когда-то,
На стыке белой полосы.
Что будет с родиной и нами – увы, предвидеть не дано.
Расстрел, развод, война, цунами, страна с иными именами,
Паназиатское окно.
Изошли пчелы Персефоны и волкодав рычит на Марс.
Приметы века неуклонны, горят заветы и иконы,

Кипит котел народных масс.

Поэта ждет десятилетье, жена, безумие, барак –

Как будто не было на свете, отжил свой век и не заметил,

Арго отчаливать пора...

Но есть вино и караимы, ночлег, беседа и тетрадь.

Беспорны сны, сомненья мнимы. Поэт подается в пилигримы

И перестанет выбирать...

Пасхальный звон

...Так старенькая церковь на селе

Рядится к Пасхе яблоневым цветом.

Дрозды по веткам, звонница под ветром,

Ушедшие до времени – в земле.

В белёных хатах ставят куличи,

Спешат за вербой к речке быстротечной.

Автобус доезжает до конечной.

Ордой с берёз срываются грачи.

Навоз и тлен, вода и чернозём.

Смеются одуванчики с обочин.

И каждый третий дом – не заколочен.

И каждый, кто раскаялся – спасён.

И баба Маша бродит по дворам,

Внучонка потеряла – не видали?

На ветхой кофте звякают медали,

В руках – ни коромысла, ни ведра.

Весна дождем снисходит на село,

Травой скрывая ржавые воронки.

И Пасха отменяет похоронки.

И звон летит – светло, светло, светло...

Командор

Кланяясь, за спиною шептали «Нерусь!

Стелется гладыю за выслугу и чины»...

В ярую бурю небо над ним виднелось

Синее-синее, невысказанной глубины.

Звали его злые ветра Камчатки,
Пеплом плевал батюшка Шивелуч.
Невский проспект, клетчатый строй брусчатки
Разве важней сизых тяжелых туч?
Если рожден резать на части карту,
Вольно ль сидеть, куру жевать во штях?
Тянет обоз. Вскроются реки к марту.
Ноет зима, вихри волчком крутя...
Беринг поник – это ему не Берген,
Не Амстердам в пушках и табаке.
С голой скалы тонко клекочет беркут,
Серый снежок тает в большой руке.
Два пакетбота, правда Петра и Павла.
Узкий пролив – лентой сквозь материк.
Анна, мин херц, ждать у дверей устала,
Бравый моряк нынче совсем старик.
Нет бы в саду млеть под шотландским пледом,
Чуять грозу, прятаться под навес...
Тундра цветет. Путь корабля неведом.
Гуси летят в синий разрыв небес.
Нерусь? Оставь. Истинно русский витязь.
Умер как жил, лег бородой в прибор,
Датский непринц сдался волнам на милость...
Берег Камчатки.
Родина.
И любовь.

Полонянка

Возвращаться из татарского плена,
Зная, что проклята до тысячного колена,
Зная, что порченная, выжженная, гнилая,
Зная, что дома – ни дымка из трубы, ни лая...
Бесконечно брести, пачкать красным слепую глину.
Бесполезно кричать «прости» и ползти с повинной,
Никому не нужна перекошенная утроба,
Нет денег ни на попа, ни на крышку гроба.
У родни, тех кто выжил, новые злые жены.
Из татарского плена – хуже, чем прокаженной...

Все равно – шаг за шагом, туда, где стоят утесы.
Вместо туч золотых у них маленькие березы.
И куница живет в дупле и стрекошет сойка.
И вороны смеются – горько, подруга, горько.
Ты вернулась, не опустилась и не сломалась.
Пусть от целого сердца осталась такая малость.
Но под ребрами бьется, и руки не опускаются,
И русалка как будто щука в реке плещается.
И любимый кается – потерял, мол, не спас, не выкупил.
И уходит в деревню заниматься делишками невеликими.
И на этой ноте идеального одиночества
Ты берешь и врастаешь в землю и уже ничего не хочется –
Ни столбом замереть, ни родиться женой Иакова...
Смерть и верность читаются плохо.
А пишутся – одинаково.

Памяти мадемуазель Эбютерн

Натурщица Жанна на фоне мансарды
Роняет небрежно халат полосатый
И входит в пятно предвечернего света
В одну красоту безупречно одета.
Дробятся лучи, отражаясь от тела.
Колышется бархат старинной портьеры.
В марсельском кувшине не вянут кувшинки.
На розовой шее не дрогнет ни жилки.
Кисть капнет кровинкой на пике замаха.
Холст помнит о том, что не знает бумага
И делает вечным изгибы и ямки,
Постели, балы, расставания, пьянки...
Художник храпит, одевается Жанна.
Полы, бормоча, подметает служанка.
Письмо о любви догорает в конверте.
Картина парит, отрываясь от тверди.

Прибежище

Сомнение в себе подобно снегу -
Смотреть в метель, цитировать Сенеку.
Античность устарела. Ночь пуста.
Дом полон привидений и преданий,
Царица вод и принц обеих Даний –
Скорлупки в рамках птичьего гнезда.
У прошлого нет будущего кроме
Печатных строк и перышка в альбоме,
А в настоящем наст или ненасть-
Едва дышать, вымаливая мили,
Тащить из Петербурга ностальгири,
На паперти копеечкой упасть.
Когорты книг девятым легионом
Текут за Ахерон. Стеклом оконным
Могила мотыльков обрамлена.
Сенека сдался. Птицы-ветераны
Ведут к Москве крылатые бураны.
И ночь плывет, теряя имена...

Измайлово

На акварель былых окраин
Ложится дождь, размыв цвета.
Мы города не выбираем,
Мы возвращаемся туда,
Где помним улицы и лица,
И без звонка заходим в дом...
Где изумруд кольца столицы,
Вода и церковь над водой.
Нажимом нежности выводим
Слова на мокрой мостовой,
Смеемся замыслу мелодий,
Летим над парковой травой.

Недолго ниточке любиться,
Но тень тепла хранит ладонь.
Огонь и дым, перо и птица,
Вода и церковь над водой.
Здесь были царские хоромы
И богадельня и пруды,
И мы бродили, незнакомы
С предошущением беды.
Прости, что радость воскресенья
Бесстрастной сменится средой.
Скамейка. Ласточка. Есенин.
Вода и церковь над водой...